

Применение Страсбургским Судом статьи 46 Европейской конвенции по правам человека в деле «Савриддин Джураев против России»¹

Дарья Тренина*

Настоящий комментарий посвящён постановлению по делу «Савриддин Джураев против России» – первому российскому «экстрадиционному» делу, в котором Европейским Судом по правам человека (далее – ЕСПЧ) была применена статья 46 Конвенции. В нём даётся описание проблем, вынудивших Суд обратиться к статье 46, анализируются предписанные ЕСПЧ индивидуальные меры и меры общего характера, которые должны быть приняты Россией во исполнение постановления.

→ *Европейский Суд по правам человека, Конвенция о защите прав человека и основных свобод, экстрадиция, предварительные меры, срочные меры, Правило 39 Регламента Суда, статья 46 Европейской конвенции по правам человека, исполнение постановлений ЕСПЧ*

В постановлении по делу «Савриддина Джураева» Суд установил нарушение права не подвергаться пыткам и жестокому обращению, которое не смогли предотвратить ни внутренние средства правовой защиты, использованные Джураевым, ни срочные меры, принятые Судом согласно Правилу 39 его Регламента. Савриддин Джураев оказался на родине и подвергся запрещённому обращению, несмотря ни на что. Учитывая, что этот случай далеко не исключительный, а похищения и отправка людей вне установленной процедуры в страны, запрашивавшие выдачу, продолжаются после констатированных ЕСПЧ еще в 2010 году нарушений в деле *Искандарова*², вопрос о выполнении Россией своих обязательств по статье 46 Конвенции, что называется, «назрел».

Предпосылки

Напомню, что в соответствии со статьёй 46 Конвенции государства-участники обязуются соблюдать окончательные постановления Суда по делам, сторонами которых они явились. Часть 2 этой статьи является основой существующего механизма наднационального контроля над исполнением постановлений ЕСПЧ, вверенного Комитетом Министров Совета Европы (далее – КМСЕ).

Дело «Савриддина Джураева против России» относится к категории «повторяющихся», то есть дел, в которых ситуация заявителя дублирует обстоятельства других поданных в Суд жалоб. ЕСПЧ рассмотрел уже достаточное количество дел, связанных с высылкой/выдачей, в которых установил, что

* Тренина Дарья Владимировна – адвокат Адвокатского бюро «Мусаев и партнёры» (г. Москва), преподаватель кафедры Права Европейского Союза Европейского учебного института при МГИМО (У) МИД России (e-mail: dariatrenina@yandex.ru).

¹ European Court of Human Rights (Chamber). *Savridin Dzhurayev v. Russia*. Judgment of 25 April 2013. Application No. 71386/10.

² European Court of Human Rights [GC]. *Iskandarov v. Russia*. Case No. 17185/05. Judgement of 23 September 2010.

принудительное возвращение в Таджикистан повлекло или повлечёт нарушение статьи 3 Конвенции в связи с риском применения пыток к заявителям, а также что их доводы о таком риске не были рассмотрены должным образом. В большинстве дел заявители не были выданы или высланы благодаря применению Судом Правила 39 Регламента, и нарушение было установлено в связи с решением о выдаче/высылке, которое вступило в силу. Дело *Савриiddина Джураева* относится к той «подкатегории», в которой заявители были отправлены в страну исхода либо другую страну, несмотря на применённое Правило 39³ и/или вне какой-либо правовой процедуры.

В рассмотренных ранее делах этой категории — *Муминова*⁴ и *Искандарова* — Суд установил, что передача заявителей в распоряжение узбекской и таджикской сторон ответственно, повлекла нарушение статьи 3, а в делах *Абдулхакова*⁵ и *Зохидова*⁶ и что была нарушена также статья 34 Конвенции (право на индивидуальное обращение). В деле супругов *Камалиевых*⁷ Суд установил только нарушение статьи 34 в отношении Камалиева (по жалобе в рамках ст. 3 не были исчерпаны внутренние средства правовой защиты). Незадолго до вынесения Судом постановления по делу *Савриiddина Джураева*, в феврале 2013 года, вступило в силу постановление по делу гражданина Узбекистана *Муроджона Абдулхакова*, обстоятельства которого практически аналогичны. Абдулхакова, выдачи которого требовал Узбекистан, как и Джураева, похитили в Москве и, минуя пограничный контроль, а также все обычные предполётные досмотры, доставили прямо к самолёту, который увёз его в Таджикистан. В качестве небольшого отступления можно за-

метить, что дело *Абдулхакова* выделяется среди аналогичных местом назначения. Его похитили «за компанию» с двумя гражданами Таджикистана (один из них — Козиев⁸, — также является заявителем в ЕСПЧ и был защищён Правилем 39). Абдулхакова привезли в Таджикистан и, продержав три месяца под экстрадиционным арестом как лицо, объявленное в международный розыск Узбекистаном, отпустили. Хотя у него есть все поводы опасаться того, что власти Таджикистана передумают и вновь возьмут его под стражу с целью дальнейшей выдачи Узбекистану, надо признать, что ему повезло больше, чем Саврииддину Джураеву. Последнего привезли, что называется, «по адресу»: он был передан в руки властей, запрашивавших его выдачу для привлечения к уголовной ответственности, и осужден на длительный срок.

Очевидно, что применение Судом статьи 46 Конвенции и его рекомендации вызваны и тесно связаны с нарушениями, которые были им установлены в этом и более ранних делах, а также теми сходными предполагаемыми нарушениями Конвенции, о которых речь идёт в жалобах, находящихся на рассмотрении.

Нарушение статьи 3 Конвенции: особенности комментируемого постановления

В том, что касается статьи 3 Конвенции, в деле *Савриiddина Джураева* Суд установил её нарушение в трёх аспектах. Во-первых, как и в делах *Муминова*, *Искандарова* и *Абдулхакова*, Суд постановил, что высылка заявителя повлекла нарушение статьи 3 Конвенции и, что у него не было эффективных средств правовой защиты. Во-вторых, Суд впервые установил нарушение статьи 3 в

³ Помимо Савриидина Джураева в страны, запрашивавшие выдачу (либо в другую страну, как Абдулхакова) было отправлено 8 заявителей в ЕСПЧ, защищённых от выдачи/высылки Правилем 39 Регламента Суда: *European Court of Human Rights [GC]. Muminov v. Russia*. Case No. 42502/06. Judgment of 11 December 2008, *European Court of Human Rights [GC]. Ermakov v. Russia*. Case No. 43165/10. *Koziyev v. Russia*, Case No. 58221/10. *European Court of Human Rights [GC]. Kasymakhunov v. Russia (2)*. Case No. 29603/12. *European Court of Human Rights [GC]. Zokhidov v. Russia*. Case No. 67286/10. Judgment of 05 February 2013. *European Court of Human Rights [GC]. Abdulkhakov v. Russia*. Case No. 14643/11. Judgment of 02 October 2012. *European Court of Human Rights [GC]. Nizomkhon Dzhurayev v. Russia*. Case No. 31890/11. *European Court of Human Rights [GC]. Kamaliyevy v. Russia*. Case No. 52812/07. Judgment of 03 June 2010. Судьба 2 заявителей в делах *European Court of Human Rights [GC]. Latypov v. Russia*. Case No. 77658/11. *European Court of Human Rights [GC]. Mamazonov v. Russia*. Case No. 17239/13 после их исчезновения остаётся неизвестной.

⁴ *Court of Human Rights [GC]. Muminov v. Russia*. Case No. 42502/06. Judgment of 11 December 2008.

⁵ *European Court of Human Rights [GC]. Abdulkhakov v. Russia*. Case No. 14643/11. Judgment of 02 October 2012.

⁶ *European Court of Human Rights [GC]. Zokhidov v. Russia*. Case No. 67286/10. Judgment of 05 February, 2013.

⁷ *European Court of Human Rights [GC]. Kamaliyevy v. Russia*. Case No. 52812/07. Judgment of 03 June 2010.

⁸ *European Court of Human Rights [GC]. Koziyev v. Russia*. Case No. 58221/10. Дело находится на рассмотрении ЕСПЧ.

связи с невыполнением Россией своего *позитивного обязательства* предотвратить реальный и неминуемый риск обращения, противоречащего статье 3 Конвенции, в связи с его незаконным вывозом, о котором властям стало известно сразу же после его похищения.

Представители заявителя в первые же часы уведомили власти о том, что произошло предполагаемое похищение и в ближайшее время заявителя могут отправить в Таджикистан против его воли — разослали факсы всем компетентным органам, обзвонили линейные подразделения служб, находящихся в аэропорту. Однако никакой реакции не последовало, во всяком случае, никаких свидетельств того, что власти попытались что-либо предпринять для предотвращения незаконного перемещения Джураева через границу, в деле не имеется.

Суд подчеркнул, что статья 1 Конвенции, в соответствии с которой власти обязаны обеспечить каждому находящемуся под их юрисдикцией лицу права и свободы, гарантированные Конвенцией, во взаимосвязи со статьёй 3, налагает на государство обязательство обеспечить, чтобы никто не подвергался пыткам, бесчеловечному и унижающему человеческое достоинство обращению. Соответственно, власти должны озаботиться мерами по предотвращению жестокого обращения, если они знают или должны знать о существовании риска того, что лицо такому обращению подвергнется. В *деле Савриджина Джураева* властям было известно о таком реальном и непосредственном риске, и, как указал Суд, в соответствии с Конвенцией они обязаны были принять в рамках своих полномочий действенные практические меры, способные его нивелировать. Компетентные органы, в частности, ГУ МВД по Москве, Генеральная прокуратура и Аппарат Уполномоченного при ЕСПЧ были уведомлены о похищении и возможном скором перемещении заявителя через границу, но ничего не предприняли. Это нарушение легло в основу рекомендации в рамках статьи 46 Конвенции о создании превентивного защитного механизма, речь о котором пойдет ниже.

В-третьих, Суд установил нарушение процессуального аспекта статьи 3 в связи с тем, что по факту инцидента, приведшего к нарушению материального аспекта статьи 3 (то есть похищения и незаконного вывоза заяви-

теля), не было проведено эффективного расследования. Суд констатировал существенные недостатки, наличие которых отмечалось и в ранее рассмотренных делах, находящихся на контроле КМСЕ.

Проблема нарушения предписаний по Правилу 39

Наконец, как уже говорилось, Савриджин Джураев был отправлен в Таджикистан, несмотря на применённое Судом Правило 39, что привело к нарушению статьи 34 Конвенции. Это обстоятельство, рассмотренное в свете других дел, и вынудило Суд говорить о необходимости срочно принять меры общего характера, способные предотвратить подобные нарушения в будущем.

В практике Суда и документах КМСЕ значимость Правила 39 для системы Конвенции подчёркивается неустанно, его неукоснительному соблюдению государствами-членами уделяется большое внимание. В Декларации, принятой по итогам конференции высокого уровня в Измире, посвящённой будущему системы Конвенции, подчёркивалось, что государство может оспаривать применение срочных мер, не соглашаясь с ними, но ничто не освобождает его от их неукоснительного соблюдения. Отступление от этого принципа неминуемо ослабит защиту, предоставляемую Конвенцией. Это обусловлено целями и функцией срочных мер, а также последствиями их несоблюдения для заявителя, государства и авторитета Суда.

В *деле Савриджина Джураева* Суд напомнил, что целью применения срочных мер является не только обеспечение беспрепятственного рассмотрения жалобы. Они призваны гарантировать, чтобы защита, предоставляемая лицу Конвенцией, была эффективной на практике в тот самый момент, когда его основным правам может быть нанесён непоправимый вред, то есть, когда лицо больше всего нуждается в такой защите. Правило 39 применяется только в исключительных случаях — при наличии нависшей над человеком угрозы непоправимого вреда. Кроме того, применение срочных мер в делах о выдаче/высылке позволяет государству выполнить своё обязательство в соответствии со статьёй 46 Конвенции, а КМСЕ — контролировать его исполнение.

Как в деле *Савридина Джураева*, так и ранее — в, собственно, пилотных постановлениях, — Суд отметил, что сами государства-участники Конвенции призвали его включать в постановления, в которых констатированы нарушения, указания, способные помочь государству-ответчику выявить лежащие в их основе проблемы и определить меры по их устранению⁹. Эта идея — оказывать содействие государствам в исполнении постановлений Суда — привела к принятию нескольких пилотных постановлений и постановлений, которые пилотными не называются, но исходят из того же посыла. В настоящем случае речь не идёт об огромном потоке повторяющихся жалоб и принятии «настоящего» пилотного постановления. Общая для таких дел проблема неэффективности средств правовой защиты в ходе обжалования решений об экстрадиции и высылке Судом подробно не рассматривается — ЕСПЧ подчеркнул необходимость совершенствования существующих механизмов и выразил уверенность в том, что недавнее Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации¹⁰ способно привести практику российских судов в соответствие с требованиями Конвенции. Но, отметив это, Суд с сожалением указал на то, что похищения и перемещение заявителей в страны, запрашивавшие экстрадицию, которые вопиющим образом обходят внутренние правовые механизмы, продолжают, а это подрывает эффективность существующих внутренних механизмов, призванных служить опорой системы Конвенции.

Можно сказать, что, таким образом, повторяющиеся нарушения, которые сейчас беспокоят Суд и КМСЕ особенно, касаются довольно узкой и относительно немногочисленной группы лиц, рискующих быть высланными вне правовой процедуры в страны, запрашивающие выдачу для привлечения к уголовной ответственности, в частности заявителей, в отношении которых применено Правило 39 Регламента Суда. Но эти нару-

шения чрезвычайно серьёзны и их повторение действительно подрывает авторитет и эффективность системы Конвенции.

В настоящем деле Суд пришёл к необходимости применить статью 46 Конвенции, «...принимая во внимание природу установленных нарушений, тот факт, что они повторяются в других последних делах, а также вопросы, которые могут возникнуть в ходе исполнения постановления».

Суд толкует статью 46 в свете статьи 1 Конвенции, о которой говорилось выше. Таким образом, как подчёркивалось Судом ранее в пилотном постановлении по делу *Бурдова (2)*¹¹, обязательство соблюдать постановление Суда расценивается как обязательство принять меры необходимые для обеспечения права, которое было нарушено. В соответствии со статьёй 46 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, государства обязаны принять индивидуальные меры и меры общего характера, а КМСЕ призван определить, действовало ли государство добросовестно и были ли меры эффективными. И хотя государство свободно в выборе средств достижения результата, КМСЕ оценивает, соответствуют ли они выводам Суда, изложенным в постановлении.

Индивидуальные меры

Как отметил ЕСПЧ, он с пониманием относится к тому, что исполнение постановлений, касающихся заявителей, вывезенных в страны, не участвующие в Конвенции, сопряжено с рядом сложностей. Эти сложности могут возникнуть, в первую очередь, при исполнении мер индивидуального характера, причем, как при осуществлении выплаты компенсации, так и при принятии других мер, направленных на *restitutio in integrum*. Под *restitutio in integrum* по общему правилу понимается «поворот вспять», то есть восста-

⁹ Резолюция Комитета Министров Совета Европы Res(2004)3 о решениях, обнаруживающих основополагающую системную проблему, 12 мая 2004 года (Committee of Ministers' Resolution Res(2004)3 of 12 May 2004; the Declarations adopted by the High Contracting Parties at the Interlaken, Izmir and Brighton conferences).

¹⁰ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 11 от 14 июня 2012 года «О практике рассмотрения судами вопросов, связанных с выдачей лиц для уголовного преследования или исполнения приговора, а также передачей лиц для отбывания наказания».

¹¹ European Court of Human Rights [GC]. *Burdov v. Russia* (No. 2). Case No. 33509/04. Judgment of 15 January 2009. § 125, ECHR 2009.

новление ситуации заявителя, существовавшей до нарушения, с оговорками о том, что это физически возможно и не налагает на власти бремя, непропорциональное пользе, которая может быть получена от такого поворота вспять¹².

Говоря о справедливой компенсации, в деле *Савриiddина Джураева*, как и в других аналогичных делах, Суд исходил из того, что её выплата может быть осложнена нахождением заявителя вне досягаемости для российских властей (см. дела *Муминова* и *Камалиевых*). Основываясь на информации о том, что заявитель поддерживает, хоть и не прямую, связь со своими представителями, Суд постановил, что компенсацией в его пользу должны распорядиться представители. Учитывая, что местонахождение заявителя известно — он отбывает наказание в Таджикистане, и у него есть семья, живущая там, — обеспечить получение ими денег относительно несложно.

Существенно более сложным представляется вопрос об *иных мерах*, в рамках *restitutio in integrum*, которые следует принять российским властям. Очевидно, что исполнение постановления по этому делу не может быть ограничено выплатой компенсации в соответствии со статьёй 41 Конвенции, и основными такими мерами должны стать возвращение заявителя в Россию и тщательное расследование его похищения и высылки.

Как указал Суд, нахождение заявителя в другой стране, хоть и затрудняет принятие мер для *restitutio in integrum*, но не является обстоятельством, могущим освободить власти от лежащего на нем «*правового обязательства принять все меры в рамках его компетенции для устранения нарушения и возмещения за его последствия*». Обязательство исполнить постановление означает, что власти должны определить и добросовестно применить необходимые правовые, дипломатические или иные практические средства, способные обеспечить максимально возможное восстановление нарушенного права. Исходя из обстоятельств дела, Суд посчитал, что такие меры могут и должны быть приняты. Они представляются тем более

логичными, поскольку миграционными властями России Савриiddину Джураеву было предоставлено на территории РФ временное убежище. Сославшись на *дело Гарабаева*¹³, Суд напомнил, что современный уровень международных отношений позволяет добиваться возвращения в Россию лиц, находящихся под юрисдикцией другого государства. Суд, таким образом, только обозначил направление работы, указав, что у КМСЕ значительно больше возможностей для оценки предложенных властями конкретных шагов.

Подводя итог разделу, посвящённому индивидуальным мерам, Суд указал, что они должны быть «*целесообразными, своевременными, адекватными и достаточными*» для того, чтобы обеспечить максимально возможное возмещение за установленные Судом нарушения.

Постановление вступило в силу 9 сентября 2013 года, после отклонения прошения властей о его пересмотре Большой Палатой, и подлежит исполнению. Представляется, что его исполнение в части индивидуальных мер, как с точки зрения возвращения заявителя в Россию, так и с точки зрения расследования станет для властей настоящей «головной болью». В том, что касается первого, перспектива возвращения уже осуждённого Джураева хоть и крайне желательна, но представляется весьма туманной — для её осуществления может не хватить политической воли. Еще меньше можно ожидать проявления такой воли в деле эффективного расследования похищения и незаконного перемещения Джураева через границу. Речь ведь идёт не о том, что была проявлена банальная халатность, и ответственный сотрудник не довёл информацию о применённом Судом Правиле 39 до компетентных органов, в результате чего заявителя открыто отправили в страну, запрашивавшую его выдачу — напротив, в данном деле операция по незаконному тайному вывозу заявителя без соблюдения пограничных и иных предполётных процедур не могла быть следствием банальной халатности. Эффективное расследование должно будет выявить причастность государственных служащих к серьёзным преступлени-

¹² Ссылки на практику ЕСПЧ см. в § 248 комментируемого постановления. Говоря о *restitutio in integrum* — принципе международного права — Суд ссылается на статью 35 Проекта Статей об ответственности государств.

¹³ European Court of Human Rights [GC]. *Garabayev v. Russia*. Case No. 38411/02. Judgement of 07 June 2007. § 34–35.

ям и окончиться привлечением их к ответственности, что само по себе не является сильной стороной российской правовой системы.

Меры общего характера

Переходя к мерам общего характера, Суд, в первую очередь, отметил: несмотря на то, что *дело Искандарова* рассмотрено довольно давно, эти меры всё ещё остаются на повестке. Как уже говорилось, похищения и вывоз заявителей продолжают, и такие инциденты не расследуются.

В комментируемом деле, ещё до вынесения постановления по существу, Суд обращался к властям, выражая глубокую обеспокоенность этой ситуацией, которая грозит подрывом авторитета Суда. Так, в январе 2012 года Суд отметил, что после принятия им постановления по *делу Искандарова* он получил четыре сообщения о вывозе заявителей, в делах в которых ЕСПЧ применено Правило 39 Регламента Суда¹⁴, чему власти не смогли дать удовлетворительного объяснения.

Вслед за этим, в марте 2012 года КМСЕ принял решение, в котором выразил обеспокоенность этими четырьмя похищениями и *«призвал российские власти предпринять все необходимые шаги, чтобы пролить свет на обстоятельства похищения Искандарова и обеспечить, чтобы в будущем такие инциденты не повторялись»*¹⁵.

В марте, октябре, ноябре и декабре 2012 года произошли очередные похищения, и КМСЕ отреагировал новыми решениями, выражающим неудовлетворенность тем, что никакого прогресса в установлении лиц, виновных в вывозе заявителей, не произошло¹⁶. Последнее из таких решений было принято 7 марта 2013 года¹⁷. В нём повторялся призыв провести эффективное расследование похищений и принять необходимые меры по предотвращению будущих аналогичных нарушений.

В результате в постановлении по *делу Савриiddина Джураева* Суд указал, что после принятия им постановлений по другим недавним делам, его обращения к российским властям и решений КМСЕ по этому вопросу, имели место новые похищения, в том числе заявителей, дела которых еще не рассмотрены. Суд подчеркнул, что повторяющиеся похищения и перемещения людей через границу, вне рамок установленной процедуры, в нарушение предписаний Суда по Правилу 39 составляют грубое пренебрежение принципом верховенства права и свидетельствует о том, что определённые государственные органы взяли на вооружение методы, нарушающие российское право и Конвенцию. Такое положение вещей имеет самые серьезные последствия для внутреннего правового порядка России, эффективности системы Конвенции и авторитета Суда.

Российские власти сообщали КМСЕ, что эта ситуация вызывает у них глубокую озабоченность и они реагируют принятием конкретных мер. Так, соответствующие решения КМСЕ были доведены до сведения Генеральной прокуратуры РФ, Следственного комитета РФ и Федеральной службы судебных приставов. Однако никакой информации о том, что были приняты действительно эффективные меры, Суд не получил, как и сведений о расследовании дел. Это показывает, что общие меры властями еще не были приняты. Такие меры, как указал Суд, должны включать в себя совершенствование средств правовой защиты в делах об экстрадиции и выдворении, обеспечение законности действий властей в этой сфере, эффективную защиту потенциальных жертв в соответствии с указаниями Суда по Правилу 39 и расследование любых нарушений.

В июне 2013 года КМСЕ выразил удовлетворение тем, что после неудавшейся попытки похищения, власти приняли адекватные меры к защите заявителя¹⁸. Однако практически сразу же вслед за этим произошло по-

¹⁴ Кроме *дела Савриiddина Джураева* – European Court of Human Rights [GC]. *Abdulkhakov v. Russia*. Case No. 14643/11. Judgment of 02 October 2012; European Court of Human Rights [GC]. *Koziyev v. Russia*. Case No. 58221/10; European Court of Human Rights [GC]. *Zokhidov v. Russia*. Case No. 67286/10. Judgment of 05 February 2013.

¹⁵ CM/Del/Dec(2012)1136/19.

¹⁶ CM/Del/Dec(2012)1144/18, CM/Del/Dec(2012)1157.

¹⁷ CM/Del/Dec(2013)1164.

¹⁸ 1172nd Meeting of Committee of Ministers, 06 June 2013, decisions on Cases No. 18 – Garabayev group.

хищение И. Мамажонова, защищённого Правил 39 Регламента Суда¹⁹.

Уже говорилось, что Суд отметил Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 11 от 14 июня 2012 года как учитывающее практику Суда и нацеленное на совершенствование внутренних средств защиты по делам об экстрадиции, важность которых неоднократно подчёркивалась ЕСПЧ в его практике и КМСЕ в ряде рекомендаций, обращённых всем государствам-участникам Конвенции²⁰. ЕСПЧ выразил уверенность в том, что тщательное применение Постановления Пленума всеми российскими судами позволит избежать ошибок, которые подверглись критике Суда в деле *Савриджина Джураева*, и приведёт к развитию практики, следующей требованиям Конвенции. Он отметил также позитивные сдвиги в практике судов общей юрисдикции в результате применения ими определений Конституционного Суда.

В этой связи необходимо с сожалением отметить: многочисленные примеры последних дел свидетельствуют о том, что долгожданное Постановление Пленума, на которое возлагались и возлагаются большие надежды, на практике судами, в том числе Верховным Судом РФ (*далее* — ВС РФ), чаще игнорируется, чем применяется. Можно назвать три известных специалистам дела²¹, в которых Постановление Пленума было учтено. Дел же, в которых его положения не возымели эффекта даже при рассмотрении жалоб на акты судов первой инстанции Верховным Судом, в разы больше (не менее остро дело обстоит в ситуациях, где экстрадиционная процедура подменяется административной — выдворением)²².

Так, например, в кассационном определении от 23 января 2013 года по жалобе У.М. Мамадалиева ВС РФ отверг доводы о том, что заявитель рискует подвергнуться пыткам в Кыргызской Республике, требующей его выдачу, сославшись исключительно на заверения Генеральной прокуратуры этой страны в том, что пытки к Мамадалиеву применяться не будут. В апелляционном определении по жалобе Г.Х. Салиева от 19 июня 2013 года ВС РФ назвал доводы о риске применения к заявителю пыток «несостоятельными» по тому же основанию. Такой подход, критикуемый ЕСПЧ из постановления в постановление, очевидно идёт вразрез с указаниями Пленума и сводит на нет эффективность соответствующего внутрисудового средства правовой защиты.

Говоря о мерах общего характера, Суд остановился и на повторяющейся во всех рассмотренных делах проблеме непроведения эффективного внутреннего расследования похищений и вывоза заявителей, наличие которой он констатировал в настоящем деле. ЕСПЧ подчеркнул, что требования эффективного расследования каждого подобного эпизода проистекают из обширной практики Суда и основываются на последовательной позиции КМСЕ и Парламентской Ассамблеи Совета Европы, которые настаивают на том, чтобы виновные были привлечены к ответственности.

В итоге Суд заключил, что обязательство по статье 46 Конвенции требует от государства-участника принятия срочных и действенных мер, способных решить все выявленные в рассматриваемом деле проблемы. Помимо необходимости улучшать внутренние сред-

¹⁹ European Court of Human Rights [GC]. *Mamazhonov v. Russia*. Case No. 17239/13, дело находится на рассмотрении Суда, заявитель исчез 13 июня 2013 года — в день своего освобождения прямо из СИЗО. Администрация изолятора сообщила адвокату, безуспешно ожидавшему своего подзащитного с раннего утра у проходной, что Мамажонов, который через неё не проходил, «был освобождён».

²⁰ Committee of Ministers' Recommendation Rec(2004)6 on the improvement of domestic remedies; Committee of Ministers' Recommendation R(98)13 on the right of rejected asylum seekers to an effective remedy.

²¹ См. например: кассационное определение ВС РФ от 7 августа 2012 года в отношении М.А. Нематова (а также по ссылке: URL: <http://www.hro.org/node/14773>); кассационное определение ВС РФ от 30 января 2013 года в отношении Н.М. Акбаров, кассационное определение от 18 февраля 2013 года в отношении И.М. Салахидинова.

²² По информации НКО «Институт прав человека» этих дел насчитывается не менее 17. Среди них: European Court of Human Rights [GC]. *Kasymakhunov v. Russia* (No. 2). Case No. 29604/12 (кассационное определение ВС РФ от 18 июля 2012 года). *Mamadaliyev v. Russia*. No. 5614/13 (кассационное определение ВС РФ от 23 января 2013 года). *Mamazhonov v. Russia*. No. 17239/13 (кассационное определение ВС РФ от 12 марта 2013 года). *Saliyev v. Russia*. No. 39093/13 (апелляционное определение ВС РФ от 19 июня 2013 года). *Kadirzhanov v. Russia*. No. 42351/13 (апелляционное определение ВС РФ от 4 июля 2013 года). *Mamashev v. Russia*. No. 47823/13 (апелляционное определение от 29 июля 2013 года) — дела о выдаче, а также *Karimov v. Russia*. No. 62892/12 (решение Московского городского суда от 10 октября 2012 года). *Ismailov v. Russia*. No. 20110/13 (решение Нижегородского областного суда от 26 марта 2013 года). *Egamberdiyev v. Russia*. No. 34742/13 (решение Омского областного суда от 11 июня 2013 года) — дела о выдворении.

ства правовой защиты и обеспечения того, чтобы эти средства не игнорировались в обход закона, принятие мер общего характера должно преследовать две цели, нацеленные на решение двух серьёзных проблем. Во-первых, принимая во внимание уязвимую ситуацию заявителей, в отношении которых Суд применил Правило 39, эти заявители должны быть обеспечены эффективной защитой не только с точки зрения закона, но и на практике. Учитывая, что защита, которая обычно предоставляется на основе закона, не оказывается эффективной, как это произошло в деле *Савриддина Джураева*, должен быть создан действенный механизм превентивного и защитного характера, с тем, чтобы заявители незамедлительно обеспечивались защитой от похищения и незаконного перемещения с территории Российской Федерации и из-под юрисдикции российских судов. Особенно актуален такой механизм для заявителей, выдачу которых требуют страны, в которые такие незаконные перемещения уже имели место. Учитывая особую цель срочных мер по Правилу 39 Регламента Суда и большую вероятность непоправимого вреда, наносимого нарушением решения о применении срочных мер, такой специальный механизм должен реализовываться под тщательным контролем компетентного сотрудника правоохранительного органа соответствующего уровня, способного в кратчайшие сроки отреагировать на нарушение срочных мер, как преднамеренное, так и случайное. Заявители и их представители должны иметь возможность незамедлительно обратиться к таким сотрудникам за защитой.

Во-вторых, учитывая важнейшую роль срочных мер в системе Конвенции, государство должно установить процедуры и наладить межведомственное сотрудничество с тем, чтобы обеспечить эффективное расследование каждого случая нарушения. Контроль за такими расследованиями на достаточно высоком официальном уровне также должен иметь место с тем, чтобы обеспечить качественное и тщательное их проведение.

Подчёркивая оба эти аспекта, вызывающие наибольшую озабоченность, Суд не

исключил других путей решения проблем, однако указал на то, что оценка этих вопросов выходит за пределы судебной функции, поскольку затрагивает множество правовых, административных, практических вопросов и вопросов безопасности. В связи с этим Суд воздержался от формулирования конкретных указаний, полагая, что уже сформулированные направления способны помочь обеспечить надлежащее исполнение постановления под контролем Комитета Министров²³. Российские власти должны предложить КМСЕ конкретные шаги по обеспечению конвенционных прав, нарушение которых констатировано Судом, а последний — оценить эффективность предлагаемых мер и их последующую имплементацию в соответствии с требованиями Конвенции.

Прогнозируемые проблемы с исполнением

Как принятие индивидуальных мер, так и принятие мер общего характера в таком деле, как рассматриваемое — вопрос острый. Суд установил, что заявителей в этом и других делах похитили и вывезли с территории России при активном или пассивном участии российских властей. Создание «механизма оповещения» для предотвращения незаконного вывоза способно решить техническую проблему скорейшего доведения до сведения властей информации о происходящем. «Назначение» ответственного лица, которое должно будет предпринимать шаги по пресечению преступлений, может помочь, но только если действия и требования этого лица не будут на постоянной основе игнорироваться другими государственными органами, пользующимися большим авторитетом — например, Федеральной службой безопасности России. В противном случае положить конец самой практике похищений и передачи лиц, экстрадиция или высылка которых запрещена, этот механизм не поможет. В этом контексте нельзя не отметить вновь: вся острота проблемы принятия мер общего характера заключается в том, что реальные, а не видимые меры связаны, во-первых, с признанием того,

²³ См. *mutatis mutandis*, European Court of Human Rights [GC] *Burdov* (No. 2). Case No. 33509/04. Judgement of 15 January 2009 и European Court of Human Rights [GC]. *Ananyev and Others v. Russia*. Case No. 42525/07 and 60800/08. § 194. Judgement of 10 January 2012.

что к похищениям и вывозу людей причастны российские спецслужбы, а во-вторых, с приведением в действие сил, способных «приструнить» их. Реально ли это, покажет время.

Постановление по делу Савридина Джураева ещё не вступило в силу и его последствия пока ощущаются только в формулировках, в которых Суд стал устанавливать меры срочного характера. Так, Суд указывает теперь в каждом конкретном случае, что власти обязаны *создать механизм, призванный осуществлять превентивную и защитную функции, и способный неза-*

медлительно предоставить заявителю эффективную защиту от незаконного и вне установленной процедуры перемещения с территории России и из-под юрисдикции российских судов. Также, согласно Правилу 39(3) Регламента Суда, от властей отныне требуется ежемесячно информировать Суд о принятых мерах и о местонахождении заявителей после их освобождения. Практика реализации властями этих требований находится пока в самом зачаточном виде, и судить об эффективности принимаемых мер пока преждевременно.